

БРЕМЯ БЕССЛАВИЯ

30 ноября состоялось очередное, по счёту уже десятое заседание созданного Гродненским областным отделением Союза писателей Беларуси общественного дискуссионного клуба «Словодром». Говорили о славе. Полноценного импровизированного «Славодрома», увы, так и не получилось. К сожалению, а может быть, и к счастью.

Помимо своих основных задач – воспитания у сограждан внимания и уважения к слову, формирования навыков дискуссии, корректной и тактичной – идея общественного дискуссионного клуба, как мне кажется, работает ещё и на формирование мировоззрения. В итоге общения на заданные темы становится понятно, в каком мире мы с вами живём. В этом плане чрезвычайно ценным посещение клубных встреч было бы для журналистов, социологов, психологов, госслужащих-работников социальной сферы и всех, кого в той или иной степени интересует то, что называется «vox populi» (глас народа). Хочется подчеркнуть, что дискуссионный клуб СПб-Гродно делает акцент на общении глаза в глаза, без использования Интернета с его социальными сетями. Что называется по старинке. Однако, тенденцией стало зарождение дискуссии в формате телефонных контактов, ещё до встречи. Кроме анонса на сайте СПб-Гродно, накануне потенциальные участники заседания получают личное приглашение в клуб по телефону. В этот момент и начинаются обмен мнениями, декларация позиций, выражение общественных взглядов... Активно, эмоционально, аргументировано. Жаль, что такой запал часто сходит на нет к самому заседанию. Это повторяется из месяца в месяц. Всякий раз на подготовительном этапе встреч. Из чего напрашивается первый вывод: с телефонной трубкой в руке современному человеку дискутировать легче, чем напрямую; на противоположном конце провода уютнее себя ощущаешь, чем на всеобщем обозрении, в формате «глаза в глаза». Мы наблюдаем, как под влиянием технологии общественная дискуссия, о важном значении которой говорится немало, норовит перейти в формат телефонного разговора – формат узкий, кулуарный, закрытый. Правят бал личные интересы. Общественное сознание остаётся в проигрыше, культура общения не развивается. Общение непосредственное, прямое, как показывает практика, выходит из моды.

На десятое по счёту заседание общественного дискуссионного клуба «Словодром» собрались люди как уже знакомые клубу, так и пришедшие повторно либо вовсе впервые. То, что к нам приходят новые люди – похвально. Впрочем, и из того, что уровень посещаемости упал (к примеру, СПб в этот раз представлял только я один), необходимо вынести некоторые умозаключения. Уже в который раз я замечаю, что людям интересно говорить о том, из чего складывается общественное мнение. Подчеркну: *складывается*. Заметно воздействие СМИ, а в большей степени телевидения. Но мы не склонны отбирать хлеб у авторов и участников резонансных телевизионных проектов и ток-шоу. Объект нашего интереса – местные насущные реалии, то есть мы сами. А они, реалии, напомним, таковы: многонациональное общество, Западная Беларусь, второе десятилетие XXI века, виртуализация общения, глобализация сознания, катастрофическое снижение уровня интеллекта и духовности на фоне стремительно изменяющегося мира и т.д. И разумеется, тематический диапазон: *творчество, искусство, культура, общественная жизнь*. Итак, участники. Городское литературное объединение «Надежда» представляли по-

этессы Светлана Борновалова, Татьяна Луговая, а также литовская поэтесса Елена Чепукене. Общественный женский клуб «Современница» – его руководитель Раиса Степановна Секретарёва, Раиса Сергеевна Геланжина, Лидия Ивановна Кацело. Принял активное участие в дискуссии украинский поэт из Гродно Григорий Гармаш. В очередной раз в работе клуба приняли участие: председатель Гродненского областного отделения Белорусского Союза театральных деятелей Александр Тебеньков; руководитель Гродненского городского клуба творческой интеллигенции «Грани» Александр Закревский; любители поэзии Юрий Подогов и Виктор Романович. Гродненский государственный университет им. Я.Купалы представлял сотрудник научной библиотеки ВУЗа, постоянный участник заседаний Михаил Богданович Пожарицкий. Приятно, что присоединились к нашему кругу друзей мои друзья – семья Скворцовых. А самым юным активным участником нынешнего заседания стала ученица восьмого класса, юная поэтесса Лиза Швец.

Напомню, тема заседания звучала так: «Бремя славы». Хотелось поразмышлять о том, отчего для одних слава – дар Божий, благо, награда за труды, свидетельство признания заслуг, а для других – непосильная ноша, гибель и т.п. Для начала не мешало бы ознакомиться с определением предмета разговора. Вот, что удалось отыскать о понятии «слава» в Интернете:

Значение слова «слава» по Ефремовой:

Слава - 1. Почетная известность как свидетельство признания заслуг, таланта, доблести. // *перен. разг.* Слухи, молва, толки.

2. перен. Общепринятое мнение о ком-л., чья-л. репутация. // Известность в качестве кого-л., чего-л.

Название русской народной величальной песни, провозглашающей похвалу кому-л.

Тот, кто своим трудом, своими заслугами доставил кому-л. или чему-л. широкую известность.

Синонимы к слову «слава»: Разговоры Слухи Толки Мнение Признание Репутация Сияние Известность Популярность Лавры Ореол Молва Бессмертие Хвала Слушок Медные трубы Реноме

Популярность (от лат. *populares*, от *populus* — народ) — высокая степень востребованности кого-либо или чего-либо в определённой области. На возникновение популярности в некоторых случаях влияет мода, и наоборот. Так же, как и мода, популярность привязана к определённому и, как правило, небольшому отрезку времени. Популярность зачастую смешивают с известностью, хотя это не одно и то же.

Стандарты популярности зависят от времени в котором мы живем. Поскольку в наше время все хотят быть популярными, эти нормы меняются очень быстро, поэтому желающим стать популярными надо постоянно придумывать что-то новое.

Самый простой вариант это сыграть на моде, одежде музыке и т.д. Если подойти к этому вопросу с новаторским настроем, то можно возродить моду старого времени или создать новую, даже для того что бы создать какое-то свое течение нужно акцентироваться на том, что популярно сейчас. Популярность можно заполучить как через агрессию зрителя, так и через его симпатию. Естественно, что более долгосрочно второе.

Слово произошло, вероятнее всего, от названия идейно-политического течения Популяров — в поздней Римской республике конца II-I вв. до н. э., которое противостояло оптиматам и отражало интересы плебса, прежде всего, сельского.

В русском языке появилось из английского. В свою очередь, заимствование английским языком произошло из латыни в 1490 году. *Popularity* тогда значило «принадлежащее людям».

Начну с того, с чего начал клуб. А именно – с истории. В качестве персонифицированного примера носителя славы клуб предложил образ героя документально-исторической литературы, личность героическую, эпическую – **Алексея Григорьевича Стаханова**. Поначалу Михаил Богданович сделал приятный реверанс в адрес нашего клуба, в заседаниях которого в последнее время просматривается тематическая последовательность или, как её назвал Михаил Богданович, преемственность. К понятию «слава» научный сотрудник относится как к некоему абсолюту. Михаил Богданович

считает истинную славу чем-то возвышенным, исключительно позитивным. По его мнению, мы можем говорить о славе только достойных людей. «Славу может заслужить, познать не только талантливый человек – подхватил Михаил Богданович тематическую преемственность дискуссий, так как в прошлый раз мы говорили о таланте, – но и обычный человек. Например тот, кто спас утопающего, вынес из огня ребёнка». М.Б.Пожарицкий напомнил определение одной из типологий в классификации славы, которой суждено было появиться в ходе дискуссии. Он, разумеется, имел в виду *героическую славу*, славу, которая уготована совершившим подвиг. Это могут быть самые обычные люди. «В центре внимания в данном контексте оказываются моральный потенциал, высокие личные качества человека». Тут я полностью согласен. Далее последовали определения подвига и славы соответственно. Ничего против фигуры А.Г.Стаханова в качестве примера *трудового подвига* я не имею. *Трудовая слава* А.Г.Стаханова, положившего начало славной традиции, известной как Стахановское движение, есть факт достойный упоминания сегодня как можно чаще, как и многое из того, что с угрожающей быстротой покидает сознание общества и память людскую. Тем более, что на заседании присутствовала молодёжь (первичные сведения по теме можно почерпнуть здесь: https://ru.wikipedia.org/wiki/Стаханов,_Алексей_Григорьевич). В ходе дискуссии, в самом её начале назрела проблема удержания курса не столько в тематическом, сколько в стратегическом фарватере нашего клуба. Где образ героического передовика-шахтёра приемлем лишь в качестве документально-исторического персонажа, героя литературных произведений, среди которых есть повесть, рассказы, юморески и даже ему посвящённая пьеса. Насколько тяжким бременем легла слава на могучие плечи этого сильного человека – об этом и можно узнать из литературных и журналистских источников. И об этом – о бремени славы, что роковой стихией обрушилась на А.Г.Стаханова, тоже упомянули на встрече 30-го ноября.

За яркий образ А.Г.Стаханова ухватились и другие участники встречи. Для многих он оказался ближе и роднее, чем можно было себе представить. Григорий Степанович Гармаш в своё время жил неподалёку от мест, где совершался трудовой подвиг Алексея Стаханова («Я – выходец из стахановских краёв»). А супруг Раисы Степановны Секретарёвой работал на той же знаменитой шахте...

...Мой замысел был совершенно другим. В центр дискуссии мне хотелось выдвинуть неоднозначный, амбивалентный эффект славы, славы, как индикатора силы духа, цельности натуры; как безжалостный инструмент для испытания на прочность моральных устоев личности. Я планировал среди прочего поговорить об известном «Клубе 27» – трагическом списке музыкантов, ушедших из жизни на одном и том же мистическом возрастном рубеже. Ведь многие из них расстались с жизнью как раз таки после того, как на них обрушилась слава, не вынесли её тяжкого бремени, погибли на волне популярности, известности, успеха... А не будь всего этого – могли бы здравствовать и поныне. Вот такой мне представлялась фабула сегодняшней беседы, от которой можно было начать движение, как от символической печки. Не тут-то было. Не видать мне мистики с трагизмом, как своих ушей – стало понятно, когда Александр Михайлович Закревский, человек, к которому я питаю трепетные дружеские чувства, встал и на полном серьёзе заявил, что известный «Клуб 27» никакого отношения к теме дискуссии «Бремя славы» не имеет, – всех этих людей погубила не слава, а нечто совсем другое.

Ладно, думал я, может быть, по мере погружения в тему удастся всё-таки нарушить позитивистские пределы трактовки понятия «слава», в которые, как в кандалы, его норовили заковать некоторые коллеги. И тут меня ожидал очередной стресс. Юрий Подохов в качестве примера взаимоотношений человека и славы – высказался о кандидатуре известного российского математика **Григория Перельмана**. «Григорий Перельман – математик из Санкт-Петербурга, доказавший гипотезу Пуанкаре и сделавший её теоремой. Признание доказательства стало для Г.Перельмана лучшей наградой, поэтому он отказался от премий и медалей. Отказывается он и от интервью, поэтому о судьбе его мало что известно. Живёт Г.Перельман в Санкт-Петербурге с мамой. Дорогая, горячо любящая мама взяла все заботы о сыне. Да и не любит он хрустящие бумажки, поэтому и женщины к нему равнодушны», – сказано во Всемирной Паутине. Если сбросить налёт цинизма и отнести данный пример к теме нашей дискуссии («Бремя славы»), интересная картина получается, подумалось мне. В случае с гениальным математиком Г.Перельманом мы имеем дело с триумфальной победой человека над славой, с презрительным равнодушием к ней, то бишь, с полной независимостью от славы, от её дурманящей губительной власти. Говорить о бремени наверняка можно только по отношению к маме Григория, которая взяла на себя заботы о сыне. На этот счёт может быть уже совсем иная, оригинальная формулировка, например, «бремя скромности». Либо «плен аскезы». Но скажу вам как самый настоящий маменькин сынок: в 99 случаях из ста нет и не может быть у любящей матери никакого ощущения бремени от заботы о сыне. Только счастье и радость от этой роли, возможно, единственные счастье и радость в её судьбе. Для многих матерей забота о сыне – вообще смысл всей их жизни. Пожелаем же здоровья им обоим. И конечно, покоя «в этом мире бушующем», в царстве гипотез и теорем...

Не могу не представить ещё один объект, оказавшийся в центре дискуссии. И М.Б.Пожарицкий, и Г.С.Гармаш, и Р.С.Секретарёва наряду с *трудо*вой, предложили к обсуждению разновидность славы, которую можно назвать *профессиональной славой*. От бремени её свободны представители славной профессии доноров. Профессию эту можно считать если не героической, то как минимум почётной. От доноров крови (позже, с развитием медицины и появлением её новой отрасли – трансплантологии появились доноры человеческих органов), от их помощи зависит очень и очень многое. Именно помощь донора, своевременная и безвозмездная, спасает жизни, возвращает людям здоровье. А ведь спасённые, исцелённые счастливики-реципиенты чаще всего не знают даже имени человека, кровь которого принесла им спасение либо исцеление. Григорий Степанович Гармаш затронул очень важный моральный аспект. Есть люди, которые нуждаются в славе (она притягивает их, как магнит). А вот заслуживают ли? Возникла ещё одна разновидность из общего теоретического бремени познания славы – *фальшивая, искусственная, мнимая слава*.

Профессиональная слава заслуживается порой всю жизнь. Или ещё дольше. Или не заслуживается вообще. Но зато нередко бывает фальшивой. Внутренняя дискуссия, что развернулась во мне, требовала скорейшего стратегического поворота от шахтёров, математиков, доноров (как объектов коллективного переосмысления) к писателям, художникам, артистам. Клуб-то наш хоть и общественный, но курируется писательской организацией, творческим союзом, подразделением сферы культуры. А ведь в профессиональной писательской среде также намечается небезынтесная дискуссия – о возрождении ныне забытого почётного титула «народны пісьменнік Беларусі». Об этом высказались и в нашем клубе. Украинский поэт Григорий Гармаш считает вполне оправданным сегодня титул «народный» у носителей профессии учитель. О народной славе современного писателя, по мнению поэта, можно говорить только от имени читателей. И тут нельзя не согласиться.

Нелегко было одолеть охватившее меня смятение, когда Раиса Степановна Секретарёва, руководитель общественного женского клуба «Современница», перед коллективом которого довелось выступать и мне, и моим коллегам по СПб, неожиданно заявила: «Мы не знаем наших писателей! Где наши писатели? Покажите!» ...А ведь ещё в мае этого года Раиса Степановна приходила поздравить с 90-летием нашу гродненскую поэтессу Раису Даниловну Бойкову (*см. фото*). Я давно признаю, что между читателем и писателем сегодня наметился трагический разрыв, разрыв, который ещё аукнется нашему обществу. Но никогда не мог предположить, что эта трещина пролегла именно в этом месте – между гродненскими писателями и гродненским общественным женским клубом, о котором я даже написал тёплую и трогательную, судя по отзывам, статью. (http://pisateli.by/2014/da_budet_sviaz.htm) И вот как итог неведение. Раису Степановну я знаю как человека порядочного и совестливого, добродушного и внимательного. Думаю, о незнании – это у неё просто вырвалось в пылу дискуссии. Может быть, Раиса Степановна имела в виду кого-то другого и хотела сказать: «люди не знают наших писателей», и это её обобщающее «мы» послужило всего лишь неудачно употреблённым эвфемизмом?

Мне понравилось, как высказался на счёт народной славы писателя недавно гостивший в Гродно с выступлениями минский поэт Андрей Скоринкин. Он сказал примерно следующее: «Степень народной любви к писателю может измеряться лишь количеством цветов, которые потомки приносят на его могилу». Мрачновато, но, по-моему, в точку. Время, память – вот мерилы славы не только для писателей, но и для служителей других муз. На другой стороне символических весов не унимается человеческая психология: хочется сейчас, хочется при жизни – и цветы, и

все другие атрибуты. Но, разумеется, не в лаврах дело, а в элементарном уважении. И мне ничего не оставалось, как грудью ринуться на защиту уязвленной профессиональной гордости.

Гродненские писатели в гостях у общественного женского клуба «Современница» (2013-2014).

Р.С.Секретарёва поздравляет с 90-летием гродненскую поэтессу Р.Д.Бойкову. Май 2016 года.

Я сказал о том, что не до жиру, – у нас и профессии писателя уже не существует; о какой популярности может идти речь? Клуб загудел. «А когда она была, эта профессия писателя? Что-то не припомню...» «И я о такой профессии никогда не слышала...» «И я тоже», – раздалось несколько реплик. Затем клуб припомнил отсутствие современных аналогов эпохальных литературных произведений «Война и мир», «Тихий Дон» и «Поднятая целина». Мой внутренний голос сменил лозунги на угрюмое молчание. Я попытался было что-то возразить, чем-то контраргументировать, но переломить ситуацию мне не удалось. Не помог спасти положение и так называемый «шолоховский вопрос» (дискуссия вокруг сомнений в авторстве Михаила Шолохова <http://www.philol.msu.ru/~lex/td/?pid=0122922>). Встал Александр Михайлович Закревский и сказал: «Ні ў пісьменніцтве, ні ў музыцы, ні ў жывапісу ніякай славы быць не можа. Усё гэта сёння зрабілася фальшывым і напускным. Адна Нобелеўская прэмія па літаратуры абсурдней за другую. Якая слава? Якія народныя? Забудзьцеся». Ситуацию поспешил выправить Михаил Богданович Пожарицкий. Он заметил, что необходимо разделять искусство массовое и искусство элитарное. Настоящей славы в веках заслуживает лишь второе. Затем Михаил Богданович привёл неожиданный пример – творчество певца Юрия Антонова («сочетает классику и массовость»).

Но в этом примере, как мне показалось, было больше ностальгии, чем убедительной объективности.

«Ты хотел дискуссии, бурной, острой, принципиальной? Получи и распишись», – злорадствовал мой внутренний голос. А я по мере формирования атмосферы дискуссии, которая начала было серьёзно накаляться, украдкой осматривал зал, намечая возможные пути отхода (привычка, оставшаяся с юности). Но всё же я был уверен на все сто: до банального рукоприкладства дело не дойдёт. Не хотелось в это верить. Да и применительно ко мне – поздно уже; меры физического воздействия едва ли будут эффективны. Во всяком случае как средство дискуссии.

...Настоящий гуманист, поэт-любитель Виктор Афанасьевич Романович продолжил рассуждения о статусе народности, подойдя к проблеме с иной стороны: «Народность – это признание. На этой волне человек способен сделать многое. Искусство надо возвышать. Народу нельзя забывать о своих прозаиках, поэтах. Любовь народная их вдохновляет». К Виктору Афанасьевичу присоединилась поэтесса Светлана Борновалова и также озвучила несколько тезисов о славе как стимуле, авансе, как об источнике вдохновения и генераторе работоспособности, наконец. Светлана Владимировна прочла собственное стихотворение, которое она посвятила А.С.Пушкину.

Светлана Борновалова
ИЮньСКИМ ДНЁМ РОДИЛСЯ ГЕНИЙ

Июньским днём

родился гений.

Среди цветенья и тепла...

Душистым ветром, птичьим пеньем
его окутала Земля.

И россыпь слов, мелодий, звуков
слетели с Неба, как венок,
чтоб чрез него

открылась мука
и сладость стихотворных строк.

Бывают люди – как причалы,
бывают, редко, – что скала.
Так Пушкин светел величаво.
Пусть там, внизу,
бурлит молва.

Избранник Божий нёс нам слово:
души порывы, сердца свет...
Они нас окрыляют снова!
В ком света нет, – тот не поэт.

Ранимы сущности поэтов:
лишь миг парить,

а век – страдать,
но всей душой молить рассветы
излить на мир наш благодать!

Бессильно время над стихами.
Души касается душа –
и вот он, Пушкин, –
рядом, с нами,
своё призвание верша!

Я заметил, что настоящую славу, народную любовь «наше всё» обрёл только после смерти. А при жизни пользовался лишь известностью. И то не слишком широкой. Со мной согласилась Елена Георгиевна Чепукене: «Надо разделять славу и популярность». Поэтесса озвучила цитату из стихотворения А.С.Пушкина «Разговор книгопродавца с поэтом» (1824):

Что слава?- Яркая заплатка
На ветхом рубище певца.

Затем Елена Георгиевна рассказала о русском поэте Фёдоре Ивановиче Тютчеве, у которого были непростые отношения со славой. В беседе появился новый вектор – мотив платы за славу.

Эрнестине Тютчевой

Все отнял у меня казнящий Бог:
Здоровье, силу воли, воздух, сон,
Одну тебя при мне оставил Он,
Чтоб я Ему еще молиться мог.

Фёдор ТЮТЧЕВ

С собственным стихотворением выступила поэтесса Татьяна Луговая. Оно прозвучало лирической сатирой на заданную тему, о том как известность может нанести ущерб человеческой личности.

Татьяна Луговая
БРЕМЯ СЛАВЫ

Явилась слава утром ранним.-
Проснувшись, Влад стал знаменит!
Его замечены старанья! –
Несётся слава и звенит!
От поздравлений нет прохода –
Влад от смущения горит
И руку крепко жмёт народу,
И от души благодарит.
Проходит время, и героя
Уже народу не узнать:

Высокомерен стал, спокоен
И начинает лишь кивать...
Под бременем нежданной славы
Не замечает никого:
Только себя считает правым,
Себя лишь любит одного.
Забыты все, что помогали
Ему взойти на пьедестал.
Взлетев в космические дали,
Антигероем Владик стал!
Он оказался слишком слабым
На данном жизненном пути –
Не все способны бремя славы
Достоинно, высоко нести.

На мой вопрос: почему же в далёкую эпоху, именуемую Золотым веком, была возможна реальная слава, как оказалось, прошедшая испытание временем, а в наши дни имеет место слава в большинстве случаев либо специфическая – либо вовсе мнимая (все эти звёзды-однодневки, пиар-технологии, фабрики звёзд и т.п.) от Юрия Подогова последовал короткий ответ: «Люди были образованнее». Я хотел было поспорить, дескать, не было же Интернета, уровень науки был несравнимо ниже сегодняшнего... Но потом я понял, что Юрий Подогов под «образованностью» имел в виду нечто большее, чем уровень познаний, просвещение. Он говорил о духовном состоянии общества, о его моральном потенциале, который в разы превосходил высокотехнологичное общество XXI века, несмотря на то, что большинство населения было неграмотным. Вероятно, неспроста эпоха получила столь громкое название «Золотой век». Интересно, как лет через сто будут величать наши дни – веком виртуальным?..

Дискуссия продолжала набирать обороты и заострять свои углы. У многих из нас, особенно у представителей старшего поколения свежи в памяти примеры славы иного рода, славы плакатной, идеологической. (Как пример, мной был приведён лозунг «Слава КПСС!») Дело в том, что на первый взгляд подобная идеологическая продукция представляется близкой к искусственной и даже фальшивой разновидности славы. И в этом недопонимании, недооценке, пристрастной ангажированности заключается бремя этой славы и драма этой недавно почившей эпохи.

Что тут началось! Раздались смешки. На меня обрушилась буря негодования. Григорий Степанович Гармаш поднял указательный палец и слегка погрозил им: «Не надо иронии! Она здесь совсем неуместна». И я невольно покосился на увесистый кулак Григория Степановича Гармаша, человека по натуре тонкого и романтического. За меня тут же вступился Михаил Богданович Пожарицкий, чья стихийная пылкость природы получила отзвук в его фамилии, а взвешенная, всегда обдуманная до мелочей позиция характеризует его истинным стратегом в спорных вопросах. А ещё М.Б.Пожарицкий является в нашем клубе проводником идеалистического взгляда на мир: «Просто уникальным в идейном смысле получился образ передовика, созданный партией. Идеологи умели искусно манипулировать общественным сознанием». Но поколебать его всё же *тогда* было гораздо сложнее – думал я. Михаил Богданович вступился и за М.А.Шолохова: «Что проку в попытках подвергать сомнению всё и вся? Подобного рода вопросы надуманы (об авторстве «Тихого Дона», который, по мнению некоторых скептиков от литературоведения, написал кто-то другой – Д. Р.) Для меня Шолохов – в хорошем смысле слова Шолохов. Достой-

ное славы классическое искусство также создаёт эпоха. Например, Я.Купала. Я.Купала досоветский, «нашаніўскі», пецяўбургскі, автор «Жалейки» и «Шляхам жыцця» – это классика. А Я.Купала советский – это Купала «Поднятой целины». К термину «слава» надо отнестись диалектически (в развитии). Мы наблюдаем за тем, как в результате унификации многие ценности ценностями быть перестают. А им на смену ничего не приходит». И ведь не поспоришь.

Более того, именно из рядов КПСС вышли многие герои войны и труда, люди, чей героический подвиг поистине бессмертен и будет славиться в веках. Как видим, идеологическая ангажированность никоим образом не ставит под сомнение истинное достоинство героической славы. Лишь попытки придать ей искажённый вид и неспособность порой дать этим попыткам решительный отпор ложатся на наше поколение действительно тяжким бременем. Бременем позора.

Мой брат, как и некоторые из собравшихся в этот вечер в зале главной библиотеки области, в своё время состоял в рядах КПСС. Я же старшеклассником вступил в ряды ВЛКСМ, когда уже было ясно, что дни комсомола сочтены. И в этом поступке был выражен мой протест против оголтелого, варварского слома устоев. Поэтому никакого скепсиса, никакой иронии в данном приведённом примере нет; ирония, если и проявилась, то исходила не от меня. А даже если бы и так – демократические основы нашего общества сегодня допускают разные трактовки, разное отношение к тем или иным страницам нашего прошлого. Ведь после массового рассекречивания архивных досье мы получили во многих случаях совсем иную, ранее неизвестную картину истории. Вот, до сих пор пытаемся её осмыслить...

Александр Тебеньков – человек сведущий в вопросах искусства и всего, что с ним связано – традиционно на наших заседаниях напоминает о том, что мир стремительно меняется. Утверждает не голословно. Александр поездил по миру. За плечами внушительный стаж служения искусству. Однако, и сегодня не переставая слышать аплодисменты в свой адрес, он признался в том, что не знает, что такое слава. Александр, как мне показалось, стоит на позиции скептика-прагматика по отношению к роли славы в современном мире, независимо от того, бременем ли она ниспадает на нашего современника, либо является наградой за труды праведные. «Умерла КПСС, а с ней умерла и слава», – резюмировал не без иронии, в которой промелькнул оттенок горечи, Александр Тебеньков. Этому мудрому и скромному человеку я благодарен за чуткость и внимательность к стратегическому курсу, по которому протекает дискуссия и за готовность при необходимости вернуть её в нужное русло. Александр посетовал на отсутствие в этот вечер в клубе какой-нибудь знаменитости. Я же подумал: наоборот хорошо... Ну пришла бы знаменитость, а тут – чуть больше десятка человек... Недоразумение однако.

Ещё были другие ёмкие, красноречивые высказывания по теме и около неё, как, например, афоризм Елены Чепукене: «Талант – это ноша, а слава – это труд». Были ещё яростные призывы оградить писателей от бремени гарантированного материального благополучия, как, например известный штамп, которым наше сообщество припечатал Юрий Подохов: «Поэт должен быть всегда голодным». Больше всех меня порадовала Лиза Швец, молодое дарование. Вот её слова: «Я буду говорить о современности. Слава нужна сейчас. В мире высоких технологий каждый хотел бы оставить свой след. Многие хотели бы прославиться, хотели бы вечной славы...» И в финале Лиза вдруг произнесла фразу, от которой у меня побежали и сейчас бегут мурашки по коже: «В современном мире страшно уйти, не оставив ничего после себя».

«Вот оно! – подумалось – Устами младенца...» А ведь юная леди права. Всем нам так не хватает тепла и доброты в наш век посредственностей и сбора «лайков» на фоне засилья массовой культуры, где талант весьма субъективен, а слава теряет свою исконную сущность, всё чаще выражаясь в скандалах и пикантных подробностях (есть же глагол «ославить»; он об этом). Прошедшее 30 ноября заседание общественного дискуссионного клуба подтвердило тенденцию уязвимости общественного сознания. Вложить нам в умы сейчас можно что угодно. И закрепить это в нас глубоко и надолго. Для начала – в подсознании (ненавязчиво, незаметно), а путём многократного повторения с телевизионных экранов, на Интернет-сайтах – бесславие закрепляется в нашем сознании. Крикнул завистник-недоброжелатель где-то на перекрёстке: «Нет достойных у нас! Не знаем мы их!» И все подхватили.

В общем, дискуссия получилась немного не о том, о чём ожидалась. И даже при таком раскладе эффект от неё колоссальный. Главный вытекающий из беседы вывод таков: губителен путь нетерпимости, категоричного отношения к идеалам. Увлекаясь критическим мышлением, нельзя, ни в коем случае нельзя смириться с потерей *доброй славы* как священной традиции нашего бытия. Иначе бремя тотального бесславия человечество может и не осилить.

Осталось поблагодарить всех, кто посетил минувшее, десятое и пригласить всех на очередное, одиннадцатое заседание в наш

общественный
дискуссионный клуб
«СЛОВОДРОМ»

ТЕМА ДИСКУССИИ: СОПЕРНИЧЕСТВО В ИСКУССТВЕ

Встречаемся **27 декабря 2016 года, в 17.00**

в зале заседаний

Гродненской областной научной библиотеки им. Е.Карского,

по адресу: г. Гродно, ул. Замковая, 20 (Новый замок).

На сей раз попробуем коснуться темы всевозможных творческих конкурсов и, если повезёт, провести свой предновогодний поэтический экспресс-конкурс.

С уважением, всегда ваш

Дмитрий Радонович

М.Б.Пожарицкий

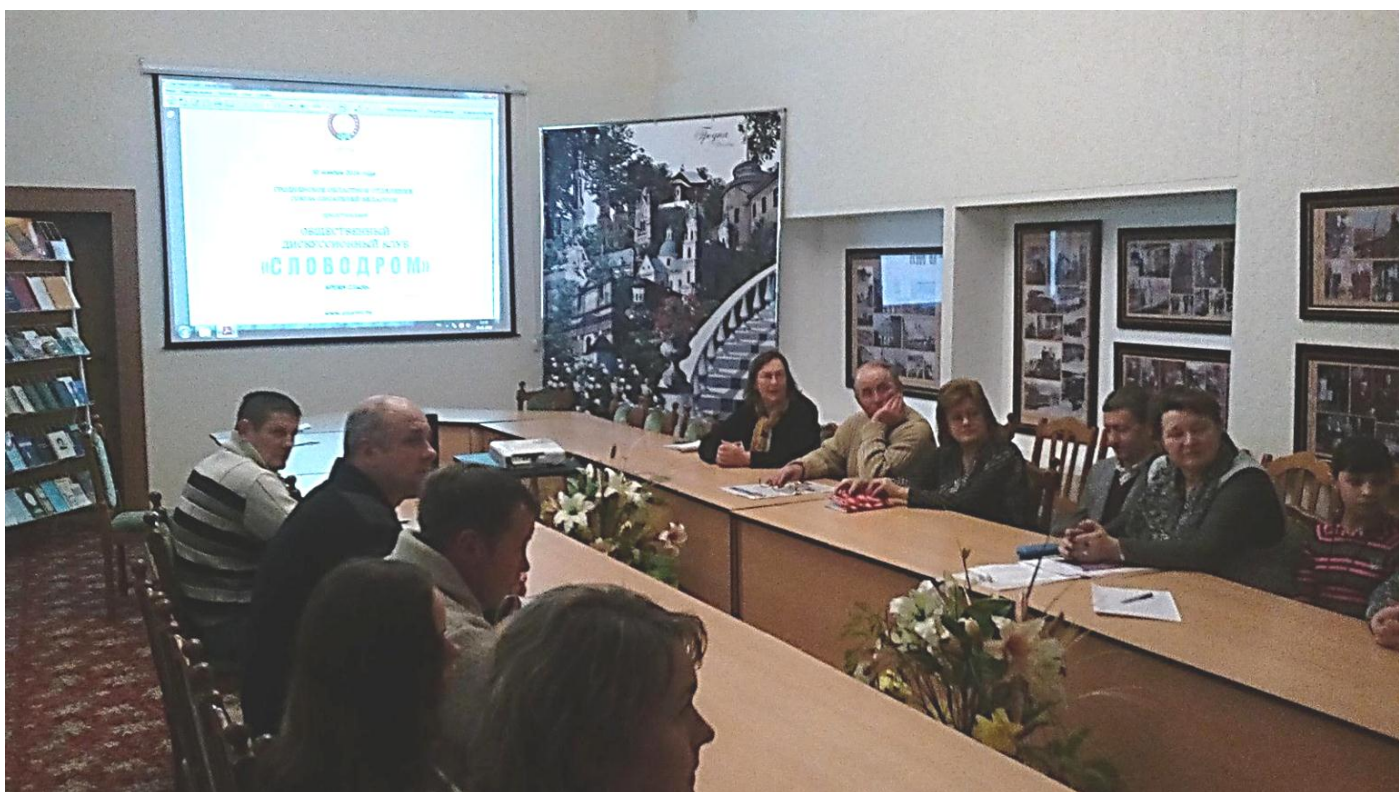
Г.С.Гармаш

А.М.Закревский и Ю.Подогов (стоит)

В.А.Романович

Ю.Подогов и А.М.Закревский

Выступает Светлана Борновалова.

Выступает литовская поэтесса из Гродно Елена Чепукене.

Слово Александру Тебенькову (в центре).

Светлана Борновалова "Июньским днём родился гений"

Выступает поэтесса Татьяна Луговая.

Выступает Р.С.Секретарёва.

В формате общественной дискуссии выступает юная поэтесса Лиза Швеи.

«Словодром-10». 30 ноября 2016 года.

